

ший вид сверху, издали, с разных обзорных точек, создающий определенный и неповторимый образ природы (вспомним «дали» из довлатовского «Заповедника») имеет глубокую культурную ценность, признаваемую любым наблюдателем – и сотрудником музея, и простым его посетителем.

Любое знание об объекте природы делает его предметом культуры. Прочтение природного окружения в культурном контексте делает его, это окружение, предметом культуры. Ценность культурных объектов возрастает во времени, при этом растет она вместе с ценностью пространства, которое их окружает. Потенциальная ценность территории растет вместе с увеличением числа и разнообразия объектов, при этом не обязательно наращивать дополнительные площади, т. к. разнообразие в первую очередь есть функция нашего знания, информации об объектах.

Особенно быстро растет ценность природы в районах с нарушенными ландшафтами.

В музее-заповеднике людей привлекает возможность получения новых сведений (знаний, информации), получение эстетического наслаждения (красота ландшафтов), история и святость мест, средоточие высоких идей (в том числе экологических). Зримое (средовое) единство культурных и природных объектов позволяет получить здесь наиболее сильный образовательный и воспитательный эффект. Работа в музее должна быть сосредоточена на создании определенного образа при понимании того, что знания и эмоции, исторический и природный контекст объекта или явления работают вместе. Каждый новый факт в этой системе порождает новый мир ассоциаций, образов и связей. Как формулируют эту задачу сотрудники Института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, необходима семиотизация (ознакомление) тех мест, которые еще не включены в систему. Именно эта процедура наполнения смыслом природных объектов делает их культурной ценностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. – М., 1978. – Т. 17. – 616 с.
2. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // «Полис» (Политические исследования), 1997. – № 4. – С. 6–32.
3. Карпенко А. С. О первом Совещании двух обществ – ВООП и ВООПИК, проведенном в Пскове в августе 1979 г. ботан. журн., 1980. – № 11. – С. 1665–1668.
4. Леонтьев Д. А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности. – 1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://magy1982.narod.ru/leontiev.html> (дата обращения 1.10.2011).
5. Лосский Н. О. Ценность и бытие. Бог и царство Божие как основа ценностей. [Электронный ресурс]. URL: http://anthropology.rchgi.spb.ru/lossky/lossk_s1.htm (дата обращения 1.10.2011).
6. Статьи, интервью, очерки С. С. Гейченко (1945–1993). Пушкинские Горы. – М., 2004. – 286 с.

Р. Р. Мишкин

ИЗ ИСТОРИИ ХУТОРА ДИВНОГОРЬЕ И СЕЛА СЕЛЯВНОЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Период Великой Отечественной войны является одним из самых трагичных в советской истории. В данном сообщении хотелось бы взглянуть на события тех лет глазами очевидцев.

С первых дней войны Воронежская область была объявлена на военном положении. Граждане 1905–1918 гг. рождения подлежали мобилизации. Но в хут. Дивногорье и с. Селявное не было ни радио, ни телефона и узнать о происходящем жители смогли только из листовок: «По станции Крупениково, подавая звуковые сигналы, проследовал состав, из которого бросали листовки, где сообщалось о начале войны, и о начале мобилизации» [2].

Из Селявского сельского совета на фронт было призвано более 300 человек. В первые дни мобилизации людям с отдалённых хуторов на призывные пункты приходилось добираться своим ходом, т.к. не хватало средств для централизованной, организованной доставки. Прекрасно помнит день, когда провозжал на фронт отца Чаленко Василий Александрович. 11-летний мальчик с матерью и отцом забрались на товарный состав, вагоны которого доверху были нагружены зерном. По воспоминаниям Василия Александровича он боялся того, что их может снести с вагона во время проезда под железнодорожным мостом ветки Лиски – Кантемировка. Поэтому это событие ему хорошо запомнилось [1].

В Селявном остались женщины, старики и дети. Они заменили ушедших на фронт мужчин на всех участках работы. Косить и молотить хлеб приходилось вручную. Тракторы, машины, лошади были отданы на фронт.

С 26 июня по 1 октября 1941 г. на трудовой фронт были призваны юноши и девушки от 16 до 18 лет. Они копали оборонительные противотанковые рвы в Смоленской области, на подступах к Москве. По возвращении, те, кому исполнилось 18 лет, были мобилизованы в ряды Красной Армии. Из воспоминаний Коробкиной Екатерины Ивановны: «Когда началась война, мне было 16 лет. Я была самой младшей в семье, осталась мать и две сестры. Приходилось копать окопы, из которых было видно одно небо. Я со своими сёстрами, матерью и другими женщинами рыла окопы от Селявного до Коротояка, работа была очень тяжелой. Однажды мы убрали с полей урожай, как вдруг появились вражеские самолёты. Начался обстрел, немцы

никак не могли попасть в нас. Они, то перебрасывали бомбы, то не добрасывали. Мы очень испугались и потом долго не могли успокоиться» [2].

Рассказывая о событиях, происходивших на территории Селявенского сельского совета в 1941–1942 гг., нельзя не упомянуть о госпитале № 26–36, который был открыт 13 августа 1941 г. в здании дома-отдыха «Дивногорье». То, что рядом находилась железная дорога, было удобно для транспортировки раненых. Двухэтажное здание госпиталя вмещало 4 корпуса. Все лечебные палаты находились на первом этаже, операционная на втором. В первом корпусе было 23 палаты, в третьем – 17 палат. О том что располагалось в других корпусах точных данных нет. Прямо с эшелонов раненых доставляли в госпиталь. На носилках их переносили в баню, где проводили первичную обработку. Одежду приходилось «прожаривать», так как было много вшей. Врачебный персонал состоял из главного врача – хирурга В. Гудермана и 4-х врачей. Госпиталь вмещал 400–450 раненых. Благодаря требовательности главврача здесь была строгая дисциплина, и несмотря на трудности военного времени поддерживалась идеальная чистота. Количество раненых превышало норму, поэтому рабочий день был ненормирован. Из-за нехватки перевязочного материала использованные бинты каждый день стирали и стерилизовали. Рабочих рук не хватало, и врачи госпиталя обратились за помощью к жителям села Селявное, и 15–16-ти летние девчонки добровольно надели белые халаты. Самой юной из них была Мария Антоновна Бондаренко. Маленькая, хрупкая 15-ти летняя девушка была готова выполнять любую работу. Она ухаживала за больными, мыла полы, стирала бельё. Кровавые раны, вши, чужую боль и солдатские слёзы – вот всё, что видела юная Мария. Всю войну ухаживала за ранеными в госпитале Мария Евдокимовна Медведева, а после осталась работать в образованном в послевоенные годы санатории «Дивногорье» [2].

К лету 1942 г. положение на всех фронтах осложнилось. Под натиском наступающих немецких войск Красная Армия была вынуждена отступать к берегам Дона и Волги. В планах гитлеровского командования особое значение придавалось прорыву на Воронежском направлении. Именно сюда в район Среднего Дона, была дополнительно переброшена сильная группировка войск – 2-я пехотная и 4-я танковая немецкая армии, 2-я венгерская, 3-я итальянская армии. Их поддерживал 4-й воздушный флот Германии. 28 июня 1942 г. армейская группа «Вейхс» под командованием генерал-полковника фон Вейхса и 6-я полевая армия, усиленная 40-м танковым корпусом и соединениями 4-го воздушного флота, – начали наступательную операцию на Воронежском направлении под кодовым названием «Блау» (синяя). [3, с. 7]

Несмотря на упорное сопротивление войск Брянского и Юго-Западного фронтов, противник, имея значительное превосходство в живой силе и тех-

нике, прорвал наши оборонительные позиции и устремился к Дону, рассчитывая с ходу захватить г. Воронеж, а затем, резко повернув на Юг, выйти в район придонского города Свобода (ныне Лиски), чтобы овладеть крупным железнодорожным узлом.

Придавая большое значение Воронежскому направлению, ставка верховного главнокомандования принимает решение о создании с 7 июня 1942 г. Воронежского фронта [3, с. 7,8].

Основные задачи определены в приказе № 0027 от 18 июля 1942 г. «Враг делает всё, чтобы прорваться через Дон вглубь нашей страны... Дон должен стать недоступным для врага. У его берегов мы должны сломать ему становой хребет, заставить врага изойти кровью». [3, с. 8]

Мария Ивановна Мачулина так вспоминает приближение линии фронта: «Фронт приближался. Начались частые бомбёжки, от которых люди прятались в пещере или убегали в лес, а иногда и прятаться было негде. Колхозники под бомбёжками убирали пшеницу и возили на телегах на станцию Пухово» [2].

Прицельный удар нанесла немецкая авиация по скопившимся из-за повреждения железнодорожного полотна на станции Крупенниково составам с топливом и боеприпасами. От попадания бомбы загорелся состав с горючим. Выгорела вся пристанционная улица «Ключка» и часть «Школьной» улицы. Люди прятались в погребах. Некоторые семьи сгорели заживо: семья Руденко из 5-ти человек, А. В. Власенко, А. Н. Семенов. Из воспоминаний Матрёны Игнатьевны Чалой: «Страшно и больно вспоминать об этом. Мне было тогда 12 лет, но до сих пор перед глазами стоит страшная пелена войны. Отец работал на станции путевым обходчиком. Старший брат работал в госпитале. Утром, со стороны Харькова, прилетели самолёты и начали бомбить станцию. Загорелись вагоны и цистерны, тут и там рвались снаряды. Дома горели на глазах у всех, сгорело две улицы. Наш дом тоже сгорел. Люди были заживо похоронены в своих погребах, они или задохнулись от дыма, или же были засыпаны землей. Мой брат был ранен. Отец был контужен. В первый день бомбёжки погибло 35 детей» [2].

2 июля 1942 г. пришел приказ об эвакуации. Но не все люди могли уйти на левый берег Дона. Из воспоминаний Василия Александровича Чаленко: «У нас было две коровы. Переправить их на левый берег у нас не было возможности и поэтому, мать отказалась эвакуироваться. Во время бомбёжки коров убило. Дорезали, мясо засолили, часть отдали родственникам и соседям. Шкуры не выдeldывали, выбросили. А когда в феврале 1943-го вернулись домой, нашли эти шкуры, варили и ели, так как есть, было, нечего» [1]. Из воспоминаний Николая Нифодиевича Шинкарёва: «Летом 1942 года перед приходом немцев все переправы через Дон были взорваны, из госпиталя раненых переправляли на лодках в спешке. В госпитале осталось всё оборудование, медикаменты. В районе хутора Вязники наши взорва-

* Здесь до 1924 г. находился Дивногорский Свято-Успенский мужской монастырь, который был восстановлен в 1997 г.

ли несколько «Катюш» так как не было возможности переправить их через Дон. Дней пять было безвластие (*в хут. Дивногорье – Р. М.*)» [1].

5 июля 1942 г. передовые части фашистских войск вступили в пределы правобережной зоны Лискинского района. В оккупации оказались сёла и хутора Колыбельского, Щученского, Ковалёвского, Селявского сельских советов. 12 июля 1942 г. немцы пришли в село Селявное. В течение 5-ти месяцев противник создавал и совершенствовал свои оборонительные сооружения. Их передний край проходил по правому берегу Дона, который возвышался над поймой реки. Это позволяло противнику просматривать расположение наших войск на большую глубину и создать систему фланкирующего огня вдоль русла реки и на скатах крутого берега. На переднем крае вражеское командование сосредоточило основную часть огневых точек, укрытых в мощные дзоты и траншеи, интервалы между которыми не превышали 75–100 м. Весь передний край в три ряда был опутан колочей проволокой. Вторая линия обороны противника представляла собой систему опорных пунктов, расположенных на высотах, в населённых пунктах и в отдельных рощах. В каждом из них были гарнизоны в составе взвода, роты и батальона. [3, с. 42, 43].

Захватив правобережье Дона, фашисты занялись грабежами населения, не успевшего эвакуироваться. У людей изымались ценные вещи, продукты питания, скот. Жителей выгоняли из своих домов в землянки и сараи. Каждому селянину предписывалось носить нарукавную повязку с его личным номером. За утерю номера грозил расстрел. Все жители, начиная с одиннадцатилетнего возраста, обязаны были работать с шести утра до наступления темноты, не получая при этом никакой оплаты. Опоздавших на работу били плетью 25 раз, за вторичное опоздание, наказание увеличивалось вдвое, за невыход на работу – расстрел. Каждая семья облагалась жёсткими податями. Всё надоенное молоко сдавалось в комендатуру, а обязательная сдача яиц устанавливалась вне зависимости от того, были в хозяйстве куры или нет. По всем оккупированным сёлам было распространено воззвание командования, в котором в категорической форме запрещалось хождение из одной деревни в другую и появление на улице с 21–00 до 4–00 утра. Нарушение этого положения каралось смертной казнью, и эту угрозу фашисты осуществляли с неумолимой жестокостью.

Из воспоминаний Матрёны Игнатъевны Чалой: «Фашисты выгоняли жителей из села. Больные старики и даже раненые дети были добыты венграми, наши колхозники под дулами винтовок убрали пшеницу и картофель в Пухово. Фашисты заставляли работать на себя не только стариков и женщин, но и детей. Оккупанты отбирали у жителей села коров и, при малейшем сопротивлении, расстреливали» [2]. Семья Матрёны Игнатъевны (в семье было пятеро детей) жила в лесу, потом перебралась в х. Дивногорье. «Жить приходилось в подвале. Немцы выгнали нас и из хутора, и мы пешком добрались до ст. Балгута. Два брата заболели и умерли от кори» [2].

Из воспоминаний Николая Нифодиевича Шинкарёва: «В х. Дивногорье немцы простояли дней 20, а потом ушли на Сталинград». Он запомнил слова немцев: «Сталинград капут и криг капут». По его воспоминаниям «Из с. Селявного жителей выгнали сразу, а нас держали месяца два, прикрываясь нами, как живым щитом. Зная, что в хуторе мирное население, артиллерия (*советская – Р. М.*) старалась стрелять аккуратно, наверняка, но всё равно, две девочки погибли. Вдоль железной дороги оккупантами возводятся огневые точки. Коротояцкий луг – нейтральная зона, там минные поля. Наша пехота два раза ходила в атаку. Их отрезали от Дона, загоняли в заросли тростника и расстреливали. У нас в хате 2 мадьяра жили, а наша семья обитала в хлеву, в сарае. Слышу, шелестит что-то в кукурузе, а это два наших солдата початки кукурузы раздирают и едят. Если бы они в хату постучали, где в это время были венгры, им хана. Оказывается, их окружили под Коротояком, и они спасались, кто как мог. Батя рассказал им как незаметно, между хутором и Селявным перебраться через Дон. Что дальше с ними стало, я не знаю. Среди мадьяр были «русинь»*, они хорошо говорили по-русски, но это были не только переводчики, так как были вооружены. Начались налёты нашей авиации. «Кукурузники» разбрасывали листовки, а «ТБ-3» ночью в первый заход выбрасывали осветительные ракеты, которые светили очень ярко, а потом бомбили. У нас не было объектов, поэтому нас не бомбили. В доме, где жил Нелепин Васька, на перекрёстке, где старый медпункт (*сегодня хут. Дивногорье, ул. Центральная, д.16 – Р.М.*), располагалась комендатура, за мародёрство стегали плёткою, не знаю, может для отвода глаз. При мадьярах было хуже, чем при немцах, их кормили хуже, они шастали по огородам, скот повырезали. Позже хуторян эвакуировали в Острогжск, где мы работали на кирпичном заводе» [1].

Из воспоминаний Матрёны Игнатъевны Чалой: «Оккупанты отбирали у жителей села коров и, при малейшем сопротивлении расстреливали. Расстреляна была вся семья Поставничьих. Среди них было трое детей, один из них грудной» [2].

27 человек из с. Селявное было угнано в Германию. Из воспоминаний Прасковьи Алексеевны Рыбченко: «Мне было 17 лет, когда вместе с другой молодёжью села нас повезли в Германию. Везли через Польшу, там был сортировочный пункт, где проверяли, нет ли каких болезней. У меня обнаружили фурункулы и поставили на лбу печать: на сожжение. Пока проверяли остальных, две моих подруги стёрли печать и меня вместе с отобранными пленными отправили в Германию, в штрафлагерь Купфергюте город Доизбург. Кормили плохо, сушеная редька с червями, 200 граммов чёрного хлеба. Кто не брезговал – ел – выжил, а кто брезговал, умер от голода.

* Название, которое по отношению к украинскому населению Галиции, Прикарпатья и Буковины применялось в официальной австро-немецкой, польской и русской литературе до 1940 г.

Работали с 6 утра до 9 вечера. Только в марте 1945 г. части Красной Армии нас освободили» [2].

Из воспоминаний Анны Гавриловны Нимыч: «Я родилась в селе Лиски Лискинского района. Закончила Залуженскую среднюю школу № 18. Затем переехала жить в с. Селявное – 1. В июле 1942 г. немцы выгнали жителей из села, я вместе с другими односельчанами попала в село Завальское Белгородской области Будёновского района. В ноябре немцы включили меня в список лиц подлежащих отправке в Германию. Везли в товарных вагонах трое суток без еды и воды до города Дайсбурга на Рейне. Работала на химическом заводе вместе с другими девушками из Польши и Франции. Многие, кроме русских, получали посылки из дома. Кормили очень плохо. Завтрак: 100 – 150 грамм хлеба. Обед: баланда (вода с картофелем или брюквой). Ужин: кофе из ячменя 45 грамм или сушеная брюква. В лагере встретила своего будущего мужа. Советские самолёты часто бомбили город. В 1945 г. американцы освободили пленных. Всех их повезли из лагеря на машинах до города Марбурга, потом до Дрездена. Всего побывала в пяти пунктах пересортировки. В городе Львове выписали литер (проездной билет) на 18 человек до города Воронежа. Из города Львова до станции Лиски ехали 23 дня. На Родину вернулась 23 сентября 1945 г.» [2].

Из воспоминаний Екатерины Яковлевны Спичкиной: «Отца и брата забрали на фронт, осталась мать и мы, пятеро сестер. Вместе с матерью ходили на поле, помогали в работе. Кушать было нечего, собирали «бабку» и ели. Семена из этого растения толкли в муку, пекли лепёшки. Старшая сестра Дуня приносила домой кусочки жмыха, делила на шестерых. Однажды они постирали бельё и вывесили его сушить. Белокурый, голубоглазый румын подошёл к матери непонятными словами постарался объяснить, что бельё нужно снять. Пролетающие самолёты могли заметить его и разбомбить дом, отдав свой паёк, 400 грамм хлеба, румын пошёл в свой лагерь» [2]. Это, даже если учесть возможную выборочность воспоминаний маленькой девочки, безусловно свидетельство человеческих отношений в условиях военных действий.

13–14 января 1943 г. началось наступление частей Воронежского фронта. 18 отдельный стрелковый корпус, действуя со Щученского плацдарма, после 2-х часовой артподготовки перешел в наступление. Против корпуса действовали 4 венгерские дивизии, 1 немецкий корпус. 16 января 1943 г. 100-я стрелковая дивизия в составе 129 стрелковой бригады, наступающей в направлении г. Острогжск освободила Селявное и Дивногорье. Из воспоминаний Семёна Сергеевича Шинкарёва: «Вернулись в хутор 3 февраля 1943 г [1].

«Советские войска освободили нас, и мы вернулись в свои родные места. Дома ни окон, ни дверей, всё пожгли. Выживали, как могли. Зима была ужасной – снег, мороз. Деревянные ящики из-под снарядов люди растащили на дрова», – вспоминает Николай Нифодиевич Шинкарев [1].

Прошло почти 70 лет с момента окончания войны, многое исчезло с лица земли. Но до сих пор Дивногорская земля хранит память о людях в пожелтевших от времени документах, пылящихся на архивных полках, в фотографиях. По данным Селявенского с/с за годы немецко-фашистской оккупации 1942–1943 гг. погибло 80 мирных жителей [5]. Из трехсот мобилизованных на фронт, не вернулось 147 человек [4]. В Германию было угнано 27 человек. Общий экономический ущерб по хозяйству составил 3 миллиона 345 тысяч 758 рублей (по ценам 1941 г.).

Автору хотелось бы выразить благодарность всем жителям, чьи воспоминания легли в основу статьи и учащимся Дивногорской СОШ, оказавших неоценимую помощь в сборе материалов по истории хутора Дивногорья и села Селявное.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Воспоминания жителей с. Селявное и х. Дивногорье // Архив музея-заповедника «Дивногорье».
2. Воспоминания жителей с. Селявное и х. Дивногорье // Архив школьного музея Дивногорской СОШ.
3. *Зюбин М. В.* Лиски годы войны. – Лиски, 1995. – 80 с.
4. Список военнослужащих, погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками в Великой отечественной войне 1941–1945 гг. // Архив Селявенского сельского совета.
5. Список жителей Селявенского сельского совета Лискинского района Воронежской области, погибших во время немецко-фашистской оккупации 1942–1943 гг. // Архив Селявенского сельского совета.